

КРИТИКО-БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ

ТОХАРСКАЯ ЭТИМОЛОГИЯ ЗА ДВАДЦАТЬ ЛЕТ

Первый этап в развитии этимологических исследований в области тохарских языков закончился на рубеже тридцатых-сороковых годов, когда появилось несколько достаточно подробных работ, содержащих многочисленные этимологические объяснения тохарских слов. Среди них прежде всего заслуживают внимания Дюшен-Гиенен, 1941 (статья, предлагающая этимологическое решение полутораста тохарских слов); Пизани, 1943 (этимология 65 слов) и прежде всего, конечно, ряд работ Ван Виндекенса (Виндекенс, 1940; 1941₁; 1941₂; 1942₁; 1942₂; 1942₃ и др.)¹, включая его этимологический словарь обоих тохарских диалектов (Виндекенс, 1941₃) и критическую литературу, посвященную рассмотрению этого словаря (например, Куврер, 1942; Поуха — АО, 13, 1942, стр. 145—146; Пизани — АГІ, 34, 1942, стр. 121—124 и т. п.). К числу бесспорных достижений тридцатилетнего периода в изучении тохарского языка следует отнести тот факт, что огромное большинство тохарских слов так или иначе было объяснено этимологически исходя из индоевропейского корнеслова, а часть слов (в том числе такие важные, как названия имен родства, названия некоторых частей тела, числительные, некоторые глаголы и т. п.) получила безукоризненное этимологическое обоснование, которое не может быть оспорено и в настоящее время. Значение таких точных этимологий в применении к тохарскому материалу тем больше, что с их помощью удалось установить (с известным вероятием) инвентарь основных особенностей перехода от индоевропейских звуков к тохарским (задача сама по себе весьма сложная, если учесть огромный временной разрыв между древнейшими индоевропейскими диалектами и исторически засвидетельствованными тохарскими текстами и сложность фонетической эволюции тохарского языка).

Тем не менее сейчас представляется более конструктивным говорить о существенных недостатках этимологических исследований в течение этого первого периода в развитии тохароведения. Между прочим, это объясняется и тем, что недостатки (причем не индивидуальные, относящиеся к тому или иному этимологу или к анализу тех или иных конкретных слов, а связанные с методологическими просчетами), свойственные предыдущему периоду, в значительной степени повторяются и в этимологических работах последних двадцати лет. И если сейчас очевидных ошибок в объяснении тохарских слов меньше, чем раньше, то часто это связано с наличием более серьезной текстологической подготовки, которая в свою очередь объясняется изданием и переводом новых, ранее неизвестных памятников, а также с устранением некоторых ложных выводов

¹ Здесь и далее полное название работ по тохарской этимологии и словаря см. в конце статьи.

о развитии тохарского вокализма и особенно консонантизма, но не с преодолением общих заблуждений теоретического характера, столь отчетливо проявляющихся при анализе тохарского словаря с этимологической точки зрения.

В чем же вкратце заключается специфика этимологического анализа применительно к тохарскому языку, выделяющая его среди всех других индоевропейских диалектов (даже тех, которые подобно некоторым иранским, армянским, кельтским или германским диалектам претерпели сложную фонетическую эволюцию)? Прежде всего в том, что звуковые изменения в тохарском языке (включая сюда, естественно, и те индоевропейские диалекты, которые легли в основу тохарского языка) были столь значительны, что открывают перед исследователем чрезвычайно широкие возможности этимологического объяснения. Разумеется, это не парадокс, поскольку лингвисту важны не только и не столько легкие и достаточно удовлетворительные с фонетической и семантической точки зрения этимологические решения, но и умение найти критерии сравнительной оценки ряда этимологических решений и выбора лучшего (или лучших) решения. В этом смысле правдоподобность этимологического объяснения (если ограничиваться лишь одним объяснением) всегда относительна. Никакая степень точности фонетических или семантических соотвествий в принципе не снимает этой относительности, если только исследователь не пройдет через искус иных объяснений того же самого слова. В применении к тохарской этимологии это положение не остается на уровне лишь общего принципа: оно встает перед исследователем при анализе большинства тохарских слов. Объяснение этому следует видеть в особом характере звуковых изменений в тохарском языке, когда главной чертой развития оказывалось не столько сильное отклонение тохарского рефлекса от соответствующего индоевропейского звука, сколько нейтрализации слишком существенных противопоставлений по дифференциальным элементам. Поэтому, например, в отличие от некоторых германских, армянских и ряда других диалектов, где противопоставления по глухости—звонкости или придыхательности—непридыхательности существуют, хотя и в трансформированном виде, в тохарских диалектах эти противопоставления (если не говорить о некоторых относительно периферийных случаях) сняты полностью. Поэтому большую часть тохарских слов можно представить как старые индоевропейские слова, записанные иным алфавитом с более ограниченным запасом единиц; этимологию таких слов целесообразно понимать как последовательность переписывания их с помощью ряда изменяющихся алфавитов, последним из которых следует считать тот, что совпадает с единицами индоевропейской фонетической системы. Данные исторической фонетики тохарского языка с очевидностью свидетельствуют, что тохарскому корню типа **kat-* (ср., например, *A kat* 'разрушение') могут равным образом соответствовать такие записанные индоевропейским алфавитом формы, как: **kat-*, **kad-*, **kadh-*, **gat-*, **gad-*, **gadh-*, **ghat-*, **ghad-*, **ghadh-*, **k'at-*, **k'ad-*, **k'adh-*, **g'at-*, **g'ad-*, **g'adh-*, **g'hat-*, **g'had-*, **g'hadh-* и т. п., если принять во внимание изменения вокализма (в частности, при предположении *o* или *e* в корне количество исходных форм, которые могли дать тохарское *kat-*, увеличивается втрое) или наличие некоторых других фонем в индоевропейском (*kʰ*, *gʰ*, *gʰh* и т. д.). Понятно, что при семантической многозначности индоевропейских корней, засвидетельствованной, между прочим, у Вальде и Покорного, многие из перечисленных выше форм окажутся вполне удовлетворительным объяснением тохарских слов типа **kat-*; во всяком случае такие объяснения ничем не уступали бы наиболее надежным этимологиям слов в других индоевропейских языках, если не считать наличия столь же удовлетворительных других объяснений. Поэтому в отношении тохарской этимологии есть все основания говорить о столь же последовательном, как и в других случаях, проведении принципа регулярности

фонетических изменений и, следовательно, о такой же степени точности этимологических решений, как и применительно к другим языкам. Разница состоит, по сути дела, лишь в том, что одинаковая степень точности не приводит в тохарском к единственному решению. Отсюда — настоятельная необходимость указывать все возможные решения с относительной оценкой каждого из них. Эти особенности тохарской этимологии становятся особенно рельефными при сравнении с хеттской этимологией. Не случайно, что пути этимологических разысканий тохарской и хеттской лексики, ставшей известной практически в одно и то же время, существенно различны. Не приходилось сомневаться в индоевропейской принадлежности тохарского языка и (часто) в значении тохарских слов, во многих случаях определявшемся соответствующими санскритскими словами, переводом которых и являлись данные тохарские слова; трудности заключались главным образом в ограничении возможного круга этимологий и в уточнении деталей фонетических преобразований тохарского слова. В отношении хеттского языка, напротив, трудность прежде всего состояла в определении индоевропейской принадлежности этого языка и в установлении значения слов (если только они не встречались в билингвистических текстах); фонетические же детали этимологии объяснялись значительно проще.

Было бы, однако, ошибочным заключить, что более или менее автоматическим получением всего набора равноценных этимологий тохарских слов ограничиваются возможности исследователя. Лучшее из сделанного в этой области за последние двадцать лет свидетельствует о том, что в распоряжении этимолога-тохароведа есть целый ряд средств, позволяющих довольно заметно ограничить возможности выбора правильной этимологии. К числу таких средств следует отнести все более возрастающее знание особенностей фонетического развития тохарских языков, приуроченного к периодам, намечаемым с помощью исследования относительной хронологии. В частности, работы, посвященные палатализации согласных в тохарских диалектах (Лейн, Краузе—Томас и особенно Эванджелисти, см. Тохарские языки, 1959, стр. 109—118), не только существенно увеличили наши сведения об относительной хронологии палатализационных процессов и их условиях, но и позволили (правда, в относительно ограниченной области) различать рефлексы индоевропейских звонких и глухих согласных. Естественно, что открытия такого рода (как отчасти и установление других фонетических закономерностей, ср. работы Лейна, Пизани, Педерсена, Эванджелисти, Виндекенса, Краузе др.) сразу же решительно суживают круг равноценных этимологий.

С другой стороны, дальнейший филологический анализ тохарских текстов и сравнение их с соответствующими иноязычными (например, с санскритскими, древнетюркскими и даже тибетскими, если иметь в виду микротексты типа сложных слов) способствует не только количественному увеличению объема тохарского словаря, но и уточнению значения и формы целого ряда ранее известных слов. И то и другое небезразлично для будущего тохарской этимологии. Естественно, что при сравнительной оценке этимологических исследований предыдущего периода и настоящего следует помнить, что в наши дни исследователь имеет в своем распоряжении (помимо того, что вышло до 1940 г.) словарь тохарского А с превосходной документацией, но слабый в лексикографическом отношении (этимологические объяснения, сопровождающие многие тохарские слова, чаще всего малооригинальны или слабы; к словарю тохарских слов приложен полезный латинско-тохарский словарь и целый ряд облегчающих работу лингвиста-этимолога индексов), см. Поуха, 1955 (о нем — W. Souvignier. — «La Nouvelle Clé», 7-8, 1955—1956, стр. 1—3, 67—98; G. S. Lane. — JAOS, 76, 1956, стр. 190—192; W. Thomas. — OLZ, 53, 1958, стр. 384—389 и др.); словарь к тохарским фрагментам из «Уданапанкары» (Зиг—Зиглинг, 1949), словарь к тохарской «Пуньявантаджа-

таке» (Лейн 1948), индекс Дебса (Дебс, 1955). Особенно возросла осведомленность в лексике тохарского В благодаря публикации «Уданаланкары», кучанских текстов, относящихся к медицине и к магии (Филлиоза, Зиг), фрагментов из Винаи и Пратимокши (Куврер), ряда отрывков из берлинского и парижского собраний (Зиг, Куврер, Томас), из санскритско-кучанского словаря (Воробьев-Десятовский). Некоторые переводы текстов на тохарском А (Зиг, Лейн) также расширили основание для этимологических исследований. Исследования же общего характера (Куврер, Краузе, Томас, Лейн, Педерсен, Виндекенс) определенным образом уточняют и ограничивают сферу возможного в области этимологических разысканий по тохарской лексике.

* * *

Вероятно, не будет преувеличением, если сказать, что особенности работы в области тохарской этимологии, ее задачи и наиболее привлекательные образцы конкретного анализа нашли лучшее отражение в исследованиях В. Куврера. Он не только превосходный практик, но, пожалуй, и единственный теоретик в этой области. Четче, чем кто-либо иной, он подчеркнул все те выводы, которые можно сделать из особенностей развития фонетики от индоевропейского к тохарскому (ср., в частности, его рассуждения о происхождении тохарского *š*, к которому так или иначе причастны около полутора десятков разных фонем и их сочетаний, см. Куврер, 1942), предостерег от соблазнительной легкости этимологизирования тохарских слов и указал на искажение этимологической перспективы при обычном сравнительно-историческом подходе к анализу слова. Однако Куврер, не ограничиваясь констатацией трудностей, сумел указать некоторые пути, следуя которыми можно достичь известного прогресса в тохарской этимологии. Если говорить о более частных рецептах, то речь идет о соответствиях в области вокализма, несравненно более простых и точных, чем в консонантизме, и о фонологическом корректировании принципа регулярности фонетических законов (Куврер, 1942). Если же иметь в виду рекомендации общего характера, то они сводятся к указанию на первостепенную важность предварительной филологической обработки тохарского материала. Куврер справедливо восстает против примитивного возведения тохарских слов к гипотетическим индоевропейским корням (этим особенно грешили Виндекенс, Поуха и некоторые другие лингвисты), причем соответствующие тохарские слова часто не определены с достаточной точностью со стороны значения, которое в 20—30% всех случаев основывается на плохо или неполно переведенных словах, которые засвидетельствованы (нередко однократно) в устаревших публикациях и переводах (например, у С. Леви).

Самому Кувреру принадлежит целый ряд сближений. Многие из них кажутся безукоризненными, но он тем не менее отбрасывает их, так как они основаны на неверном чтении или на некорректном способе определения значения. Относительно некоторых слов предлагается несколько этимологий с приблизительной оценкой степени вероятия того или иного объяснения. Наконец, многие этимологические удачи Куврера целиком связаны с новым прочтением текста или с кристалльным анализом употребления данного слова в разных контекстах.

Вот несколько примеров. Тох. А *ar-*, В *er-* обычно сближали с и.-е. **er-* 'подниматься, двигаться'. Более того, этимология повлияла на определение значения этого тохарского слова, которое Леви определил как 'soulever'. Кувреру удалось выделить несколько мест, где в тохарском А значение этого глагола недвусмысленно — 'produire, créer, causer', ср. 61 а 4 и 30 а 2 (по изданию Зига и Зиглинга 1921 г.). С другой стороны, оказалось, что при *ar-* засвидетельствованы в качестве прямого дополнения такие слова, как *tun̄k* 'любовь', *yāslyi* 'ненависть', *rāškār* 'гнев', *kāswone* 'благо'

и т. д. Наконец, переходя к кучанским текстам, Куврер показывает, что значение 'soulever' возникает там лишь в присутствии наречия *kauc* 'вверх, вверху'. Уже этих соображений достаточно, чтобы отбросить старое объяснение. Тем не менее Куврер приводит еще один аргумент: он показывает, что и.-е. **er-*, с которым связывали анализируемые тохарские слова, на самом деле отражено в тох. А *yār-, yār-*, В *yar-* 'купать, мыть', которые, как и хетт. *arra-* 'мыть' — *arriškiṭa*, имеют производное образование на *-ske /-sko* — А *yārs-*, В *yars-* (правда, трактовка этих форм может быть и несколько иной).

На основании семантического противопоставления тох. А *āks-* и *trānk-* в отрывке 20 b 2: (*pā*)*kṣ(i)ññā ṇy ānand kus sam pātāñkāt kucc oki tām kus tām trānkāṣ* 'Научи меня, о Ананда, кто такой Будда и что он говорит' Куврер заключает, что приписывание глаголу *āks-* значения 'говорить' и, следовательно, сближение его с арм. *asem* 'я говорю', лат. *aiō, adagium* и т. д., предполагающими и.-е. **eg-* 'говорить', является неправильным.

Примерно по таким же соображениям советует Куврер отбросить сравнение тох. А *emts-*, В *eñk-* 'хватать' с греч. ἐνεγχεῖν, др.-инд. *naṣati*; неправильное этимологическое сближение привело к приписыванию тохарскому слову значения 'нести', хотя, как показывает 299 а 5 и др., оно значит 'хватать, брать'.

Заслуживает внимания анализ этимологически сближаемых тох. А *tārċ-*, В *tārċ-*, *tark-* и хетт. *tarnā-* 'пускать', на основании которых и раньше, и теперь (ср. Тохарские языки, 1959, стр. 35) делаются далеко идущие выводы. Куврер подчеркивает, что значение, приписанное тохарскому глаголу еще Зигом и Зиглингом ('lassen, entlassen'), не может быть подтверждено серьезными аргументами и, напротив, легко опровергается случаями вроде 8 b 3 (*wak cārċ* 'поднял голос') или 97 а 4 (*cārċ* 'покинул'). По мнению Куврера, тохарские формы соответствующего корня имеют значение, совершенно («tout au tout») отличное от хетт. *tarnā-* (а именно 'покидать'). Что касается фонетического вида сопоставляемых слов, то хетт. *tarnā-* через **tarknā-* связывается Куврером с **targanā-* (подобно *hinganu-*, *ḥarganu-*), а тох. А *tārñā-* восходит к форме с корневым *k*, сохраняемым и в тох. В *tārċana-*.

Примерно таким же образом подходит Куврер к анализу некоторых других слов (см. Куврер, 1942): опровергается связь тох. А *kān-*, В *kān-*, *ken-* со словами, восходящими к и.-е. **gen-* 'рождать' (на основании значения, ср. тох. А *kaknu*, В *kekenu* = санскр. *sampanna-*); демонстрируется связь тох. А *ok* с *okāk* и устанавливается, что *ok* аналогично лат. *dum* (ср. *mā ok* и лат. *nondum*, построенное таким же образом); подвергается сомнению сближение тох. АВ *tsārwo* (= санскр. *prahaṛṣa*) с и.-е. **g'her-* (ср. др.-инд. *hāryati*, греч. χαίρω); оспаривается сопоставление Виндекенсом тох. А *wār-*, *wrāṣ-*, В *warāšk-* с и.-е. **der-* 'вращать' (Куврер рекомендует читать тохарскую А форму как **wārs-*, каузатив от *wār-* 'чувствовать, ощущать' и устанавливает на основании ряда примеров значение, отличное от ранее принятого).

В ряде статей в последующие годы (Куврер, 1944, 1947; 1949 и др.) Куврер продолжает критический анализ тохарских этимологий предыдущего периода, ставя этимологические разыскания в этой области на твердую почву проверенных фактов. Поэтому даже чисто негативные выводы или установление ближней этимологии (без соотнесения с данными других индоевропейских языков) оказывается часто более полезным, чем реконструкция гадательных и эфемерных индоевропейских корней без изучения их истории.

Особо следует остановиться на серии этимологий (около 40 слов), предложенных Куврером (см. Куврер, 1950) в связи с изданием «Уданапанкары» в тохарской версии. Из числа объяснений, признаваемых самим автором за достоверные, заслуживают внимания несколько тохарско-балтийских сопоставлений (ср. **akwatse* 'острый, резкий' и т. п., прилагатель-

ное на *-tse* от основы на *-u*: балт. **ašus* < и.-е. **ak'u-s*, ср. лтш. *ass* примерно с тем же кругом значений; тох. *alāsk-* 'быть больным': лит. *alsū* 'усталость', ср. еще тох. А *ālāsune*, В *ālāsā(ṃ)ññe* 'вялость'; тох. *meske* 'связь': лит. *mėgsti* 'связывать', добавим более точное соответствие в виде лит. *māzgas*; вместо *mėgsti*, может быть, лучше привести *mėgzti*, *mėzga*; ср. также менее надежные, по мнению Куврера, сопоставления тох. **pāt-karñe* 'досада, неприятность?' от *pāt-k- / patk-*: лит. *bodėtis* 'томиться, гнушаться, питать отвращение' и т. п.; тох. *pruk-* 'уклоняться, отклоняться': лит. *sprūgti* 'удирать, ускользнуть'; не лучше ли *sprūkti?*; тох. *klaw-* в «Уданапанкара», 5 б 5: лит. *šlūoti* 'мести', лтш. *slāucit*; исчезновение в тохарском, как и в литовском и славянском, старого слова для обозначения пушка и образование нового слова — тох. **kele* — по принципу, аналогичному тому, что был использован в латышском и славянском). Поучительны в методологическом смысле рассуждения, посвященные тох. *kuñ* 'звать, взывать' (из-за многозначности тохарского *k* предлагается исходить из **kãṃ-*, **kẽṃ-*, **kũ-*, или **goṃ-*, **gũ-*, или **g'haṃ*), тох. *śakātai* (obl. sg.) 'палка' (невозможность надежной этимологии из-за многочисленности источников тохарских *ś* и *k*), тох. *tsak-* 'колоть, кусать' (из **dhēg-*, **dhag-*, или **s / tegh-*, или **denk'-*), тох. *we(ṃ)sye* 'грязь' (предполагается совпадение в этом слове ряда параллельных индоевропейских корней) и некоторым другим словам, звуковая бедность и неясность значения которых делают бессмысленной жесткую этимологизацию их. Из остальных объяснений интересны относящиеся к *anāsk-* 'вдыхать' (*-sk-* каузативное) в связи с *onolme* / *wnolme* 'живое существо' (*-lme* — формант) и сакск. *uynsora* (ср. авест. *uz-an-*), уйгур. *tinliṃ* (*tin* 'дыхание', *-l'oṃ* — посессивный формант), построенными аналогично *onolme*; а также анализ тох. *kant-* (и.-е. **ken-* или **ghen-*, оба со значением 'растирать'); *kotai* (obl. sg.), из **kēt-*, **kōt-*, **kāt-*; *ku-* 'лить' (из **g'heu-*, ср. тох. А *kus-* 'лить' с расширением *-s*); *mañu* 'желание' (из и.-е. **men-*, ср. тох. А *mñu* 'мысль'; к значению ср. греч. *μέρονα*); *nekcije* 'вечером' (в связи с проблемой первоначального вокализма и хетт. *nekuz* gen. sg.); *pālw-* 'причитать, жаловаться' (расширение с помощью *-ṃ* и.-е. **bhel-*); *śarwarñe* 'гордость' (ср. др.-инд. *garva-* 'высокомерие'); *saiwai*, может быть, 'направо' (но слав. *šujь*, др.-инд. *savya-*, авест. *haoya-* 'налево'; *-i-* объясняется эпентезой); *skiyo* 'тень' (точное соответствие греч. *σκία*); **wepe*, может быть, 'ограда' (ср. тох. В *wāp* 'ткать', из и.-е. **dehb-*); *uṣwar(ka)*, *iṣwarka* 'дружеский' (ср. и.-е. **ṛesu-* 'хороший'); *kerte* 'меч' (из и.-е. **s / ker* — с дентальным расширением); *oṣ(ša)le*, может быть, 'запад, вечер' (возможно, из **aus-*, ср. тох. А *oṣeñi* 'ночью', В *uṣiñe* 'ночной'); *wa* 'же' (др.-инд. *vā*) и т. д.

* * *

Среди других работ в области тохарской этимологии стоит выделить те, в которых с помощью этимологического анализа устанавливаются лексические изоглоссы, соединяющие тохарскую языковую область с другими индоевропейскими районами. Исследования такого рода интересны и для решения некоторых вопросов, связанных с географией слов, и для выяснения места, занимаемого тохарскими диалектами среди других индоевропейских. Работы Бенвениста (Тохарские языки, 1959, стр. 90 и сл.), Краузе (там же, стр. 75 и сл.), Порциг («Die Gliederung des indogermanischen Sprachgebietes». Heidelberg, 1954) и ряда других авторов в общих чертах обрисовали наиболее очевидные связи тохарской лексики. Разумеется, что многое еще предстоит сделать в этой области.

Этимологические исследования последних двух десятилетий прибавляют целый ряд новых тохарско-балтийских параллелей к тем поучительным сопоставлениям, которые были известны уже раньше. Помимо упомянутых в статьях Куврера соответствий, можно указать еще целый ряд: тох. А *trisk-*: лит. *treškėti*, тох. А *wātk-* 'отделять, отделяться': лтш. *vedga*

(очень сомнительная параллель, о *wātk* см. ниже), см. Шнейдер, 1942₁; тох. А *ṣar*, В *ṣer* 'сестра': лит. *sesuo*, слав. *sestra* (палатальное *š* доказывает, что в начале слова в тохарском было **se-*, и, следовательно, восстанавливается общая тохарско-балто-славянская форма типа **sestr-*, **sesor-*), см. Виндекенс, 1950; тох. А *pats*: лит. *pats* (ср. также лат. *com-pos*; все эти слова дают основание думать о формах без *-i-*, отличных от др.-инд. *patī* или греч. *πόσις*), см. Виндекенс, 1953; тох. А *akritār* (*akritar*) 'круглый': лтш. *kraitāt*, лит. *skriēsti* (Виндекенс, 1952₂); тох. А *asuk* (= санскр. *āyata-*): лит. *sūkti* (для тохарского слова Виндекенс, 1947₂ допускает значение 'овальный'); тох. А *saku*, В *sekwe*: лит. *sakaž*, прусск. *sackis* (из **s/v/e-q*o-*, Виндекенс, 1947₂); тох. А *stānwō*: лит. *stenėti* (сюда же слав. *stenati*, др.-инд. *stanati*, греч. *στένω* и т. д., см. Виндекенс, 1947₂); тох. А *lyām* 'озеро': лит. *liēti*, лтш. *liet* (при других индоевропейских параллелях, см. Виндекенс, 1942₂); тох. А. *mālkāto* 'маленький': лит. *māžas*, *mōžis* (там же); тох. В *Wrauske* (собственное имя): балт. *varn-* (ср. прусское собственное имя *Warnike*, см. Швентнер, 1959₁) и некоторые другие. Ср. также отказ от сопоставления тох. В *cānc*, А *ciñcār* с лит. *švānkus* (Виндекенс, 1958).

Любопытно указание Педерсена (1950) на то, что тохарское название имени (А *ñom*, В *ñem*) начиналось со слогового носового: **ym-* > **enm-* > **nem-*, как, например, в балтийских (ср. прусск. *emmens*), славянских (*ime*) и некоторых других языках. Сводку сделанного в области выявления тохарско-балто-славянских лексических изоглоссов с присовокуплением некоторых новых наблюдений см. у Георгиева (1958, стр. 17—20).

Из числа тохарско-славянских сближений, обнаруженных в результате этимологических разысканий, заслуживают указания такие, как: тох. А *ules* 'деятельность, работа' (есть и глагол): с.-хорв. *lesa*, словен. *lesa*, чеш. *lisa* и т. д. (из и.-е. **uel-* 'цлести', расширенного с помощью *-s-*, см. Шнейдер, 1942₁); тох. А *mrosk*, В *mrausk*: чеш. *chmouřiti*, *šmouřiti*, русск. *хмурить* (там же и Виндекенс, 1942₂); тох. В *šotri* 'знак': слав. *šatriti* (Чоп, 1959); тох. В *mā*: русск. *матусить* (Куврер, 1950); тох. А *kār*: чеш. *krk*, польск. *kark* (но и др.-инд. *kṛkāṭa*, см. Виндекенс, 1952₁); тох. АВ *wātk-* 'разделять, разделяться; решать, приказывать': слав. *větii* — *větiti* (ср. лит. *vėtyti*; что касается семантики, ср. лат. *cernere* 'отделять; решать'; предполагается связь *wātk-* < **vet-k-cwe* 'говорить', ср. каузатив от *wātk-* 'приказывать'; см. Топоров, 1958); тох. АВ *klāw-* 'объявлять, называть' (уточнение значения см. Виндекенс, 1952₂): слав. *kleveta* (сюда же лат. *calvor*, см. Топоров, 1958); тох. А *spin-*: русск. *спина* (Швентнер, 1959₂); тох. А *kulypatār*, В *kulypelle*: слав. *želēti* (греч. *ἐθέλω*, см. Чоп, 1958) и др. До сих пор повторяемое сближение тох. А *lap* 'голова': русск. *лоб* (см. Тохарские языки, 1959, стр. 156; Краузе—Томас, 1960, стр. 54 и т. д.) в такой форме не вполне корректно (**lōbō* > *лоб*), чего нельзя сказать о сопоставлении *lap* с греч. *λόφος*.

К наиболее удачным тохарско-германским сопоставлениям можно причислить: тох. А *koc*, В *kauc*: гот. *hauhs*, др.-в.-нем., др.-сакс. *hōh*, др.-англ. *hēah* (Швентнер, 1942₁; в связи с этими тохарскими словами интересно вспомнить лат. *cautēs*, которое ввиду *cōtēs* считалось гиперурбинизмом; Пизани, 1955 остроумно предположил обратное соотношение: *cōtēs* — деревенский субститут городского *cautēs*); тох. А *ku-*, В *šo-* (расширение *-s-*): др.-исл. *giōsa* (Виндекенс, 1950); тох. В *pešel* 'червь' (?): ср.-в.-нем. *vīsel* 'репис'; тох. А *ko*, В *koyn-* 'рот': др.-в.-нем. *guomo*, *goumo* 'нёбо', др.-исл. *gomi* (из **g'heu-* с расширением *-m*, см. Виндекенс, 1952₁); тох. В *sal* 'грязный' (выделение этого ранее неизвестного слова основано на новом чтении отрывка, приведенного у Филлиоза, 1948, стр. 52: *kuse salturna yāmu...*; нужно читать: *kuse sal|sa|rn|e|yāmu...*): germ. **salwa-* с тем же значением (ср. др.-сев. *sglr*, англос. *salu*, др.-в.-нем. *salu*, см. Швентнер, 1956₁); тох. АВ *yash*: др.-в.-нем. *jēhan* (ср. лат. *jocus*, умбр. *juka*, см. Виндекенс, 1947₃); тох. А *ycaim*, В *ycelme* 'любовь, чувственное удовольствие': др.-в.-

нем. *jagōn* (**iagh-*, см. Виндекенс, 1942₂); тох. АВ *kārāç* 'лес': др.-в.-нем. *horst* (Виндекенс, 1952₁) и др.

Среди этимологий тохарских слов, объясняемых сопоставлением со словами из италийских или кельтских языков (помимо уже отмеченного), привлекают внимание такие, как тох. А *rare* 'музыка', связанное с ирл. *reb* 'игра' и соответствующим глаголом *rebaigim* (Виндекенс, 1942₂); тох. А *sākār* 'выдающийся, лучший, достойный': лат. *sacer* (там же); тох. В *petso*: лат. **pet-s* в *compes, hospes, sospes* (вокализм *e* при обычном *o*, см. Виндекенс, 1953).

С помощью древнегреческого материала получают объяснение тох. В *kālyr* 'красть' (ср. κλέπτω, лат. *clepo*, гот. *hlifan*; ранее это слово не было известно за пределами западных индоевропейских языков, см. Виндекенс, 1960₃); тох. А *āštār* (с вторичной долготой), В *astare, āstre* (ср. ἀστῆρ и арм. *astē*), см. Виндекенс, 1942₁ (здесь же греч. *ἄστρον* связывается с тохарским названием бога А *ñkāt*, В *ñakte, ñakte*; лучше, однако, сравнение с греч. *ἀναξ* — Педерсен, 1941, микенск. *wa-na-ke-te*, употребляемым в качестве имени бога); тох. А *wrātal* (=др.-инд. *rūpa-*): греч. *ῥέπος* (Виндекенс, 1947₂); тох. А *āco* 'зародыш': др.-греч. *ὄδις* (Виндекенс, 1949₂ — тохарское слово объясняется из иранского, ср. согд. будд. **z'wn* 'существование, потомство, дитя'); тох. *āççi*: греч. *τᾶρός, τᾶρούω* (Виндекенс, 1941₁); меньшее (хотя и небезразличное) отношение к тохарской этимологии имеют объяснения начального гласного в некоторых древнегреческих числительных с помощью тох. А *ša*, В *še* 'один' (Виндекенс, 1945; ср. также Виндекенс, 1942₄, где предлагается этимология этого тохарского слова) или указание на сохранение имени тигра ἔθωρ в тохарском (Виндекенс, 1960₁).

Из тохарско-армянских параллелей, помимо тех, которые были обнаружены уже довольно давно, наиболее интересной следует, видимо, считать тох. А *ākāl*, В *akāl* 'желание' при арм. *atkaḥ* 'несчастный'; и в том и в другом слове скрывается, нужно думать, удвоенный корень **alkalk-* (Виндекенс, 1959; ранее Виндекенс видел в этом тохарском слове сложение двух разных основ, см. Виндекенс, 1942₄).

Примеры тохарско-анатолийских связей в области лексики всегда пользовались преимущественным вниманием специалистов; наиболее очевидные из примеров подобного рода стали хрестоматийными. Тем не менее в последние годы было предложено еще несколько сопоставлений. Кроме уже названных, ср. хетт. *ḥamešša-*, *ḥamešhant-* 'весна' (из **Ha*m-es* / *H* / 'теплый сезон'): тох. А *omal*, В *emalle* 'теплый', объясняющие первую часть хеттского слова (см. Чош, 1955); хетт. иероглиф. *ura-*: тох. В *orotse* 'большой' из **uratse* (известный тип прилагательных на *-tse*, ср. *akwatse, oktatse*; см. Виндекенс, 1960₂, а также KZ, 72, 1954, стр. 245).

Что касается объяснений тохарских слов с помощью древнеиндийских фактов, то они обычно или совершенно очевидны и были отмечены уже раньше, или малоинтересны, ср. тох. А *çur-* 'заботиться': др.-инд. *kavi-* (Виндекенс, 1942₂); тох. А *wārce* 'слабый, нуждающийся': др.-инд. *ūna-* 'пустой' (ср. авест. *ūna-*, там же); тох. В *entwe*: др.-инд. *atha u, atha vā*; тох. А *çkam* 'и' (из **q^heq^h-nee*): др.-инд. *na kaś cana*; заслуживает внимания последняя этимология Виндекенса (1960₃): В *kārweñe* 'камень', 'скала': др.-инд. *grāvan* (ср. слав. *žrěnovi*, мн. ч.) и т. п.; известный интерес представляют соображения о некоторых фонетических аномалиях, обнаруживаемых в тохарских словах, заимствованных из санскрита (см. Виндекенс, 1946), а также вопрос о санскритских словах, проникших в тохарский и в другие центральноазиатские языки (ср. тох. В *pātro* < др.-инд. *pātra-* при хотан-сакск. *pāttara-*, согд. *p'ttr / pātr /*, откуда уйгур. *patir*; см. Швентнер, 1958₂ и 1951 о тох. АВ *kunti*).

Более интересны указания на лексические связи тохарских диалектов с иранскими. В данном случае хотелось бы прежде всего обратить внимание на вопрос, имеющий прямое отношение к тохарской этимологии. Речь идет о средствах различения исконно тохарских слов и тохарских слов иран-

ского происхождения. Провести это различие часто оказывается очень сложно, поскольку иранские приметы нередко нивелируются в ходе развития тохарской фонетики, или же благодаря тому общему отпечатку, который накладывается на языки Центральной Азии, образующие во многих отношениях нечто подобное языковому союзу. Некоторые итоги тохарско-иранских лексических контактов подведены Краузе (см. Тохарские языки, 1959). Особенно много сделали для установления таких связей Виндекенс, Конов, Швентнер. Ср. некоторые примеры: тох. АВ *wēñ* 'говорить' из сакск. *hvañ* (ср. вакхи *xān* 'говорить'); тох. А *ʃi* из сакск. *ʃʃau* 'один' (но тох. В *ʃe* > сакск. *ʃʃai* 'и, также'); тох. АВ *ākl* 'учить, учиться' из ир. *ā* + *ʔaul-* (через стадию **ākūl*; характерна мена *ʃ* > *l*, ср. авест. *gaoša-*, др.-перс. *gauša*, но ир. памирск. *ʔaul* 'ухо'); тох. А *pātkru* 'ресницы', возможно, из иранского (ср. вакхи *pātk*, ишкаш. *pātik*); тох. АВ *tsem* 'синий' из и.-е. **dhus(e)no-*, которое, однако, подверглось влиянию (в области семантики) памирских диалектов (ср. шугн. *ʃin*, игдха *āxšin* и т. д. 'синий'; ср. также тох. В *ekʃinek* 'голубь', восстановленное Зигом и Томасом в правильном чтении отрывка из медицинского текста у Филлиоза, 1948, 56 а 6: *ekʃi tekamānana misa*, ср. осет. *ā-xsinäg*, хотан-сакск. *a-ʃʃānaka* 'голубь', Швентнер, 1956₂; как известно, разные названия голубя из иранских языков проникли в другие языки); тох. В *wār* 'ткать' — допустимо предположение о заимствовании из иранского, ср. шугн., сартык., игдха *vāf* 'ткать', вакхи *vof* (ср., однако, Кувпер, 1950); тох. В *kwāñcīt* 'сезам' при сакск. *kumʃsata-*; тох. В *kwārkat* 'шафран' при сакск. *kurkuṃ*; тох. В *tvāñkaro* 'имбирь' при сакск. *ttum-gare* (на основании передачи и через тохарские *wa, wā, wā* предполагается, что последние три слова могли быть заимствованы из диалекта, близкого к афганскому); тох. А *ānās*, возможно, из ир. *ā-nās-*, где *nās* 'исчезать'; тох. А *kupār* 'глубокий' при авест. *gufra* то же; тох. АВ *nās* 'желание': парф. *ny'z*, согд. будд. *ny'zku'n* (может быть, из тохарского); тох. А *pārmanḱ* 'надежда': парф. *prn'ng* 'мысль' и др. (обо всех этих случаях см. Виндекенс, 1949₂; там же содержатся и другие поучительные сопоставления, которые далеко не всегда объяснимы: тох. В *krañko*: сакск. *krñga-*, *krriṃga*; тох. АВ *krāke*: сакск. *khārgga*; тох. А *ras-*, *rās-*, *Br/a/so*: ир. **raz-*; тох. А *rem*: сакск. *rrīma*; тох. А *wañk*: пехл. *vāng*; тох. А *wles-*: ир. **varz-* 'работать'; ср., однако, Шнейдер, 1942₁ и др.).

Свой вклад в изучение связей восточноиранских диалектов с тохарскими внес Конов (1942), прибавивший к полтора десяткам известных тохарско-хотанских параллелей еще одно интересное сопоставление: тох. *tvamtaṃ*: хот. *tvandana-* (значение слова связано с почитанием). Боуда сопоставил тох. В *witsako* 'корень' с осет. *yudag* (Тохарские языки, 1959, стр. 81), а Швентнер (1958₄), подтвердив сделанное Поухой наблюдение о связи тох. А *yāmutsi*, В *yāmūttsi* с согд. *'ym'wtsy* (**ēmūtsi*, ср. кит. *yin-wou-tsi*), заметил, что в «Уданаланкаре» 29 а 3 (*yām*)*utts(i)* передает санскр. *hamsa* и, следовательно, не может обозначать попууга (скорее — фламинго). Бейли (TPhS, 1947, стр. 149) готов видеть в тох. А *pareṃ*, *paṃeṃ* 'человек' указание на контакт с иранским.

Как известно, часть тохарских слов объясняется прямо или косвенно заимствованием из неиндоевропейского источника. Шульце, Сепир, Боуда, Краузе и другие специалисты выявили некоторое количество таких примеров. В последние годы был сделан еще ряд наблюдений. В частности, В. В. Иванов (1961) отметил две тибетские калки в тохарских текстах (объяснение эпитета Будды в тохарском А с помощью тибетск. *de-bzin-gsēgs-pa* и названия восхода солнца тох. А *koṃ-pār-k-ant*, В *kaum-park-i* с помощью тибетск. *nyi.śar* 'восход солнца'). Ср. также Тохарские языки, стр. 79-81.

Поскольку еще Шульце обратил внимание на специфические примеры словосложения в тохарских диалектах, построенные по образцу финно-угорских сложных слов (ср. тох. А *ak-mal* 'лицо', собственно — 'глаз —

нос'), этимологический анализ тохарских composita представляет перво-степенный интерес (тем более что для тохарского сложные слова вообще мало характерны). В этом отношении несколько интересных наблюдений принадлежит Швейдеру (1942₁). Ср. тох. А *ārkišōši* 'мир' (собственно, 'небо — земля') — *ārki*, В *ārkwī* 'белый, блестящий' (др.инд. *arjuna-*, лат. *argentum*) и *šōši*, В *šaišše* 'люди' (*šol*, В *šaul* 'жизнь'), а также ведийское образование типа двандва *dyāvāpṛthivī* 'небо и земля'. Более сложный случай разобран Шнейдером на примере тох. А *yuk*, В *yakwe* 'лошадь'; предполагается, что кучанская форма восходит к и.-е. **iugōm ek'kos* 'запряженная лошадь', откуда тох. **yukom ākwos* > **yuk ākwe* > В *yakwe*; если это так, то получает объяснение и глагол *yuk* 'побеждать', утративший свое первоначальное значение. Тох. А *akāmtsune* 'деньги, добро' также интерпретируется как сложное слово (**akār* + **emtsune*), составленное примерно по тому же принципу, что и нем. *Landnahme*, др.-исл. *landnām*. В другом месте Шнейдер (1942₂) остроумно (хотя нельзя сказать, что вполне надежно) объясняет тох. А *es* 'плечо' из гаплоглии в сочетании типа **saṃ amesa* 'это плечо' (тогда как тох. В *āntse* восходит через стадию **āmsa* к и.-е. **omesos*). Там же тох. А *šalpet*, обозначающее подошву, разлагается на *šal-* (из **tel-*, ср. др.-инд. *talam* 'плоскость') и *pe-ṃ*, в котором скрывается индоевропейское название ноги. Тох. А *āle*, В *ālyi*, *āli* 'ладонь' трактуется как результат ложного анализа старого сочетания **tat tālam* > **tat ālam* (ср. тох. А *āṅkari* 'зубы' из **tat tankar*). Хотя Шнейдер обращается в этих случаях, как правило, к замкнутой семантической группе слов, обозначающих части тела, все же иногда возникает подозрение в чрезмерном желании автора объяснить все слова такого рода обязательно из сочетания двух слов. В частности, предполагаемое им объяснение тохарского названия руки (*tsar*, *šar*) из удвоения (**tser-tser-* < **der-der-*, ср. лит. *dirti*, греч. *δέρω*, др.-инд. *darmān-*) едва ли лучше, чем общепринятое сближение с греч. *χείρ*, арм. *jeŕn*. Виндекенс (1950) объясняет тох. А *yošmoš*, В *yaušmauš* 'навстречу' сложением *yoš* / *yauš* (аблатив на -s от слова, восходящего к и.-е. **jeu-*, ср. др.-инд. *yūti*) и *moš* / *mauš* (ср. др.-инд. *māvati*), приводя соответствующие семантические аргументы. В другом месте Виндекенс (1947₂) рассматривает тох. А *arāmpat*, В *erepate* (= санскр. *rūpa-*) как двандва: о первом члене см. Виндекенс, 1944₁, второй связывается с **bhendh* 'петь' (ср. др.-инд. *vadana-* 'рот', 'лицо' от *vad-* 'говорить').

Помимо названий частей тела, более или менее достаточное внимание было уделено анализу еще одной семантической группы — названиям животных, ср. Виндекенс, 1959₂ (о тох. А *ko*, *ki*, В *keu* 'корова'); Швентнер, 1958₃ (о названиях овцы и козы, ср. А *šos* : В *šaiyye* = А *as* : В *ašŕye*); Швентнер, 1958₄ (о *yāmut* / *t/si* 'фламинго'); Швентнер, 1959₁ (о 'вороньем' имени); Швентнер, 1958₁ [о тох. В *suwo* 'свинья' (детали, уточняющие общепринятую этимологию), о тох. В *wrauiŕa* 'ворона', о тох. А *sukrān-* 'коршун' (уточнение значения слова)].

Среди других этимологий тохарских слов, выдвинутых в 40—50-е годы, можно упомянуть те, что принадлежат Педерсену (1943) (А *ārsalā*, *kipā*, *poto*, *ksar*, *tuŕke*; Брумхеду (1952): *špin*, *el*; Шнейдеру (1942₁): *ya*, *yām*, *yra*; Швентнеру (1942₂): тох. А *kāts*; Виндекенсу (1942₃): тох. А *kuntis-tsek*, *manark*, В *lwaksā-tsaik* и др.; (1942₄): тох. А *kāltank*, *kārksim*, *kārthkāl*, *oŕkālām*, В *oŕkolmo*, *oŕolme*, *uŕelme*, А *uŕcalm-*; Пизани (1942, 1943); (ср. также отказ от сравнения тох. А *ri*, В *riye* 'город' с фрак. *βρία*, см. KZ, 75, 1957, стр. 76—79); Георгиеву (1958).

Можно надеяться, что углубленная филологическая обработка тохарских текстов при понимании условий, в которых приходится трудиться этимологу-тохароведу, и задач, возникающих в этой области, позволит серьезно продвинуться вперед в изучении тохарской этимологии.

Работы по тохарской этимологии и словари

- Брумхед, 1952 W. Broomhead. Tocharian *spin* and *el*. — TPhS, 1952, стр. 65—77.
- Виндекенс, 1940 A. J. van Windekens. Recherches sur l'étymologie du tokharien et koutchéen. — BSL, 41, 1940, стр. 54—64.
- Виндекенс, 1941₁ A. J. van Windekens. Nouvelles recherches sur l'étymologie du tokharien. — BSL, 41, 1941, стр. 184—197.
- Виндекенс, 1941₂ A. J. van Windekens. Recherches sur l'étymologie du tokharien. — RPhH, 20, 1941, стр. 107—110.
- Виндекенс, 1941₃ A. J. van Windekens. Lexique étymologique des dialectes tokhariens. Louvain, 1941.
- Виндекенс, 1942₁ A. J. van Windekens. Études étymologiques. — RPhH, 21, 1942, стр. 141—149.
- Виндекенс, 1942₂ A. J. van Windekens. Recherchs sur l'étymologie des deux dialectes tokhariens. — BSOAS, 10, 1942, стр. 932—940.
- Виндекенс, 1942₃ A. J. van Windekens. Zur tocharischen Wortbildungslehre. — IF, 58, 1942, стр. 257—261.
- Виндекенс, 1942₄ A. J. van Windekens. Die etymologische Erklärung von tocharisch A *ṣa*, B *ṣe* 'eins'. — IF, 58, 1942, стр. 261—265.
- Виндекенс, 1942₅ A. J. van Windekens. Beiträge zur vergleichenden Grammatik des Tocharischen. — AO, 13, 1942, стр. 151—166.
- Виндекенс, 1944₁ A. J. van Windekens. Neue Studien zur Wortkunde des Tocharischen und des Armenischen. — KZ, 68, 1944, стр. 218—221.
- Виндекенс, 1944₂ A. J. van Windekens. Tocharische Etymologien. — IF, 59, 1944, стр. 87—89.
- Виндекенс, 1945 A. J. van Windekens. Sur l'initiale de gr. εἴκοσι 'vingt' et ἐννέα 'neuf'. «L'Antiquité Classique», 14, 1955, стр. 133—135.
- Виндекенс, 1946 A. J. van Windekens. De quelques anomalies phonétiques dans les mots tokhariens empruntés au sanskrit. «Le Muséon», 59, 1946, стр. 611—620.
- Виндекенс, 1947₁ A. J. van Windekens. De trois mots sanskrits en tokharien. «Le Muséon», 60, 1947, стр. 285—288.
- Виндекенс, 1947₂ A. J. van Windekens. Studies in the Vocabulary of Tocharien. — BSOAS, 12, 1947, стр. 67—70.
- Виндекенс, 1947₃ A. J. van Windekens. Two Tocharian Notes. — BSOAS, 12, 1947, стр. 71—72.
- Виндекенс, 1947₄ A. J. van Windekens. Observations sur quelques mots tokhariens. — REIE, 4, 1947, стр. 289—298.
- Виндекенс, 1948 A. J. van Windekens. Notes tokharo-grecques. «Miscellanea Gessleriana», Antwerpen, 1948, стр. 1342—1346.
- Виндекенс, 1949₁ A. J. van Windekens. Tocharische Etymologien. — IF, 59, 1949, стр. 87—89.
- Виндекенс, 1949₂ A. J. van Windekens. Études iraniennes et tokhariennes, I—II. «Le Muséon», 62, 1949, стр. 125—150, 261—274.
- Виндекенс, 1950 A. J. van Windekens. Notes tokhariennes. — AO, 18, 1950, стр. 519—524.

- Виндекенс, 1951 A. J. van Windekens. Tocharica. «Le Muséon». 64, 1951, стр. 203—215.
- Виндекенс, 1952₁ A. J. van Windekens. Zur tocharischen Wortforschung. — KZ, 70, 1952, стр. 107—111.
- Виндекенс, 1952₂ A. J. van Windekens. Kritische Erläuterungen zur tocharischen Wortforschung. — KZ, 70, 1952, стр. 112—114.
- Виндекенс, 1953 A. J. van Windekens. Tokharien A *pats*, B *petso* 'époux'. «Le Muséon», 66, 1953, стр. 163—166.
- Виндекенс, 1957 A. J. van Windekens. Une concordance de vocabulaire indo-tokharienne. ALing., 9, 1957, стр. 118—120.
- Виндекенс, 1958 A. J. van Windekens. Études sur le vocabulaire grec et pré grec. — LP, 7, 1958, стр. 47—53.
- Виндекенс, 1959₁ A. J. van Windekens. Notes étymologiques «Annali dell Istituto Universitario Orientale di Napoli. Sezione Linguistica», 1, 1959, стр. 15—22.
- Виндекенс, 1959₂ A. J. van Windekens. Sur la structure et la flexion de tokharien A *ko* et *ki*, B *keu* 'vache'. «Annali dell' Istituto Universitario Orientale di Napoli. Sezione Linguistica», 1, 1959, стр. 107—112.
- Виндекенс, 1960₁ A. J. van Windekens. Der Typus gr. ὄσφρ im Tocharischen. — IF, 65, 1960, стр. 249—251.
- Виндекенс, 1960₂ A. J. van Windekens. Hieroglyphen-hethitisch *ura*-und tocharisch B *orotse* 'gross'. — KZ, 76, 1960, стр. 180—181.
- Виндекенс, 1960₃ A. J. van Windekens. Etudes d'étymologie et de grammairie comparée. — LP, 8, 1960, стр. 30—43.
- Виндекенс, 1962 A. J. van Windekens. Eléments ouraliens en thokharien. «Orbis», XI, 1962, стр. 600—612.
- Георгиев, 1958 В. И. Георгиев. Балто-славянский и тохарский языки. — ВЯ, 1958, № 6, стр. 2—20.
- Дебс, 1955 J.-A. Dabbs. Index verborum tochariensium. Texas, 1955.
- Дюшен-Гиемен, 1941 J. Duchesne-Guillemin. Tocharica. — BSL, 41, 1941, стр. 140—183.
- Зиг — Зиглинг, 1949 E. Sieg, W. Siegling. Tocharische Sprachreste. Sprache B. Heft 1: Die Üdanālañkāra-Fragmente. Text, Übersetzung und Glossar. Cöttingen, 1949.
- Иванов, 1961 В. В. Иванов. Тибетские кальки в тохарских текстах. «Краткие сообщения Института народов Азии», 57, 1961, стр. 35—40.
- Куврер, 1942 W. Couvreur. L'étymologie du tokharien. — RBPhN, 21, 1942, стр. 5—23.
- Куврер, 1944 W. Couvreur. Tocharica. — RBPhN, 23, 1944, стр. 140—183.
- Куврер, 1947 W. Couvreur. Zum Tocharischen. II. — REIE., 4, 1947, стр. 340—364.
- Куврер, 1949 W. Couvreur. Zur tocharischen Etymologie, I. — IF, 60, 1949, стр. 33—37.
- Куврер, 1950 W. Couvreur. B-Tocharische Etymologien. — AO, 18, 1950, стр. 126—130.
- Конов, 1942 S. Konow. Notes Concerning Khotanese. — NTS 13, 1942, стр. 199—224.

- Краузе, 1953 W. Krause. Eigennamen in tocharischen Texten. — UAJb, 25, 1953, стр. 11—18.
- Краузе, 1954 W. Krause. Tocharische Eigennamen. «IV Congrès International des sciences onomastiques», Uppsala — København, 1954, стр. 325—327.
- Краузе, 1955 W. Krause. Tocharisch. Handbuch der Orientalistik, hrsg. von B. Spuler. Leiden, 1955.
- Краузе—Томас, 1960 W. Krause, W. Thomas. Tocharisches Elementarbuch. I. Heidelberg, 1960.
- Лейн, 1948 G. S. Lane. Vocabulary to the Tocharian Puṇyavanta-jātaka. American Oriental Society. New Haven, 1948 (JAOS. Supplement).
- Медзгер, 1946 F. Mezger. Some Indo-European Formatives. «Word», 2, 1946, стр. 229—240.
- Педерсен, 1941 H. Pedersen. Tocharisch vom Gesichtspunkt der indoeuropäischen Sprachvergleichung. København, 1941.
- Педерсен, 1943 H. Pedersen. Tocharische Beiträge. — REIE, 3, 1943, стр. 17—19, 209—213.
- Педерсен, 1944 H. Pedersen. Zur tocharischen Sprachgeschichte. København, 1944.
- Педерсен, 1950 H. Pedersen. Eine tocharische Frage. «Jahrbuch für kleinasiatische Forschung», 1, 1950, стр. 103—104.
- Пизани, 1942 V. Pisani. Appunti di tocarico. Glottica Parerga. «Istituto Lombardo di Scienze. Rendiconti, classe di lettere», vol. 75, fasc. 2, 1941—1942.
- Пизани, 1943 V. Pisani. Etimologie tocariche. Glottica Parerga 5. «Istituto Lombardo di Scienze e Lettere. Rendiconti, classe di lettere», vol. 76, 1942—1943.
- Пизани, 1955 V. Pisani. Lat. *cautes*, toch. В *kauc*, А *koc*. — KZ, 72, 1955, стр. 95—97.
- Поуха, 1955 P. Poucha. Institutiones linguae tocharicae. Thesaurus linguae tocharicae dialecti A. Praha, 1955.
- Топоров, 1958 В. Н. Топоров. Этимологические заметки. — КСИС, вып. 25, 1958, стр. 74—88.
- Тохарские языки 1959 Тохарские языки. Сборник статей. М., 1959.
- Чоп, 1955 B. Čop. Etyma. «Slav. rev.», 8, 1955. Linguistica, стр. 28—32.
- Чоп, 1958 B. Čop. Beiträge zur indogermanischen Wortforschung. «Slav. rev.», 11, 1958. Linguistica, стр. 49—68.
- Чоп, 1959 B. Čop. Etyma balto-slavica III. «Slov. rev.», 12, 1959/1960, стр. 170—193.
- Швентнер, 1942₁ E. Schwentner. Toch. А *koc*, В *kauc* 'hoch'. — IF, 58, 1942, стр. 36.
- Швентнер, 1942₂ E. Schwentner. Toch. А *kāts* 'Bauch'. — KZ, 67, 1942, стр. 228.
- Швентнер, 1951 E. Schwentner. Noch einmal toch. AB *kunti* 'Topf'. — KZ, 69, 1951, стр. 171.
- Швентнер, 1956₁ E. Schwentner. Toch. В *sal* 'schmutzig'. — KZ, 73, 1956, стр. 117.
- Швентнер, 1956₂ E. Schwentner. Toch. В *ekšinek* 'Taube'. — KZ, 73, 1956, стр. 238.

- Швентнер, 1958₁ E. Schwentner. Tocharische Tiernamen. — IF, 63, 1958, стр. 165—168.
- Швентнер, 1958₂ E. Schwentner. Ein zentralasiatisches Wanderwort. — KZ, 75, 1958, стр. 57.
- Швентнер, 1958₃ E. Schwentner. Schaf und Ziege im Tocharischen. — KZ, 75, 1958, стр. 169.
- Швентнер, 1958₄ E. Schwentner. Toch. A *yāmutsi*, B. *yāmutt̄si* 'Flamingo'. — KZ, 75, 1958, стр. 206.
- Швентнер, 1959₁ E. Schwentner. Tocharisch B *Wrauske*. — BNF, 10, 1959, стр. 173.
- Швентнер, 1959₂ E. Schwentner. Etymologische Kleinigkeiten. — ZfslPh, 28, 1959, стр. 149.
- Шнейдер, 1942₁ K. Schneider. Beiträge zur tocharischen Wortkunde und Grammatik. — IF, 58, 1942, стр. 37—50.
- Шнейдер, 1942₂ K. Schneider. Zu einigen Benennungen von Teilen des menschlichen Körpers im Tocharischen. — IF, 58, 1942, стр. 169—174.